

Кольцо Тайаха. Метка Каны

Анта Зимник

18+

Анта ЗИМНИК

Кольцо Тайаха. Метка Каны

«Автор»

2026

Зимник А.

Кольцо Тайаха. Метка Каны / А. Зимник — «Автор», 2026

Я — Кана, мне семнадцать. Живу в хакасском аале, где горы упираются в небо, а степь дышит полынью и свободой. Бабушка научила меня слышать голоса трав и однажды сказала: «Твоя судьба там, где вода встречается с камнем». Я не верю в судьбу. Мне бы день прожить. Но однажды у реки я встретила того, кто старше этих гор. Он подарил мне метку, но не мог состариться рядом. Я ушла к другому. Я не знала тогда, что через пятьдесят лет эта метка позовёт в горы мою внучку. И разбудит то, что должно было спать вечно. Горы помнят всё и никогда не прощают выбора. Приквел к роману «Кольцо Тайаха»

© Зимник А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Запах полыни	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Анта Зимник

Кольцо Тайаха. Метка Каны

Пролог

Гора помнит все

Солнце стояло высоко в небе и ласковыми лучами согревало всё живое: деревья, травы, серые камни, отражаясь золотыми отблесками в небольшом тёплом ручье. На мелководье в голубом платье, отделанном серебряной вышивкой сидела молодая женщина. Её шелковистые волосы мягко струились по плечам, а на полупрозрачном лице не было румянца — лишь зелёные прожилки, похожие на паутинку. В её глазах жили вода и солнце — на свету они переливались изумрудом, а в самые радостные мгновения в них теплился янтарный огонь.

Возле неё играли два змееныша: изумрудный - плескался в воде, весело смеясь и редко покашливая от попавшей в маленькую пасть воды, а другой - золотистый, резво носился за солнечным зайчиком и от досады возмущенно шипел.

— Иче! Я не могу его поймать! — воскликнул Алып, когда солнечный зайчик скользнул по его мордочке. Он сердито ударил хвостом, а потом скользнул к матери и нежно обвился вокруг её шеи.

Женщина тихо рассмеялась - её голос был похож на рокот весенней реки. Она нежно погладила сына по золотистой чешуе, ласково поцеловала в макушку.

— Не сердись, Алып. Завтра ты его обязательно догонишь.

Тайах выполз из воды, аккуратно зажав в пасти маленькую серебристую рыбку. Он положил её на камень, а потом тихо свернулся у матери на коленях. Змееныш зевнул, и лениво зажмурил изумрудные глазки, когда почувствовал ладонь матери.

Она смотрела на детей и видела в них себя: Тайах был спокоен и ласков как изумруд в её глазах, а Алып - теплым и ярким, как желтый огонёк.

— Иче, спой пожалуйста, — тихо попросил Тайах.

Мать запела. Тихо, без слов. Её песня лилась серебряным звоном над ручьем, степью и долетела до самого сердца горы Улуг-Хыз. Там, в бесконечной глубине, Улуг-Чилан поднял голову. Он обходил медные штольни — следил, чтобы люди не разрушали гору, чтобы бережно относились к её дарам.

Сквозь камень он услышал её голос и устремился на поверхность - каждый раз он выходил на свет, чтобы услышать эту песню.

Когда он ступил на землю, песня смолкла, оставив после себя тишину, что громче звука.

Глава 1. Запах полыни

Петух заголосил ни свет ни заря, но в доме было еще темно.

Кана открыла глаза, медленно села на лавку и поежилась — воздух был холодным и сырым. Спина отзывалась ноющей болью — пьяный отец ударил поленом, когда она заслонила собой мать. Из соседней комнаты доносился запах вчерашнего угре, кислого молока и араки, которая никогда не выветривалась.

В углу у печи возилась мать — подкладывала дрова, гремя пригоревшими чугунами. Огонь лениво разгорался, и тепло ещё не дошло до лавок, где сидела Кана.

Не оборачиваясь, мать бросила:

— Чего сидишь? Я слышу, что встала. Живо за водой.

Кана молча спустила ступни к холодному земляному полу, натянула коричневое ситцевое платье и направилась к сеним, набросив на плечи пуховый платок. На плече под рукавом чернел синяк, но она научилась делать ежедневные дела, не обращая внимания на боль. В сенях у выхода к крыльцу она взяла тяжелые ссохшиеся вёдра и шагнула на крыльцо, тихо прикрыв дверь.

Дорога к ручью пролежала вдоль плетней. Тугие чёрные косы тянулись двумя змейками по её тонкому стану, поднимаясь к голове, которую Кана держала прямо. Не от гордости — от страха согнуться навсегда. Из-за плетня показался пестрый платок старой соседки, которая только жалобно покачала головой, а потом махнула клюкой и ушла в сарай.

Кана вышла за околицу, миновала огороды и спустилась в ложбину к ручью. Воду набрала быстро — мать ждать не любит. А когда поднялась обратно, свернула не к домам, а в степь.

На пригорке росла полынь — от боли в животе и дурного глаза. Рядом жёлтыми звёздами рассыпался зверобой — от тоски и бессонницы. Кана срезала стебли наискось, оставляя корни нетронутыми.

Она погладила ладонью сухую, пахнущую солнцем траву и шепнула одними губами:

— Спасибо.

Степь молчала. Ветер нёс запах полыни и далёкой воды.

В избе мать выхватила вёдра, поставила на лавку. Кана заметила, как мать поморщилась, когда нагибалась — у неё тоже всё болело после вчерашнего.

— Долго, — буркнула мать, не глядя. — Я быстрее в Абакан сбегала бы. И сходи к старой, проведай — не померла ещё?

Кана молча кивнула, но эти слова застряли в её груди как ветка шиповника. Бабушка была единственным человеком, кто любил и понимал. Девушка прошла в дальний угол избы, где за дощатой перегородкой было что-то наподобие кладовки — раньше в ней держали припасы, а теперь здесь ютилась бабушка. У неё было темно даже днём, пахло сухой мятой, можжевельником и старым деревом. Узкое оконце под потолком едва пропускало свет.

Старушка сидела на лавке, укрытая выцветшим лоскутовым одеялом, и перебирала сухие корешки. Увидела Кану — улыбнулась усталой, почти грустной улыбкой.

— Посиди со мной, хызыча.

Кана опустила на лавку, положила голову бабушке на плечо.

— Ты на мать не сердись, — тихо сказала бабушка. — Её отец бил, а потом муж начал. Потому она так строга с тобой. По-другому не умеет.

— Я тоже буду такой? — тихо спросила Кана.

Бабушка не ответила, а лишь протянула внучке пучок полыни.

— Горькая?

Кана взяла пучок полыни, поднесла к лицу. Горечь ударила в ноздри, защипала глаза. Она кивнула, сморщив лицо.

— Вот и жизнь такая, — сказала бабушка. — От горечи не убежишь, но и бояться её не нужно.

Она помолчала, потом добавила, не глядя на Кану, будто не ей, а травам:

— Твоя судьба, Кана, не на тропе протоптанной. Она там, где вода встречается с камнем.

— Что ты, бабушка? Какая судьба? Мне бы день прожить

Бабушка начала перебирать травы, закрыв глаза и беззвучно шевеля губами.

Разговор был окончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.